

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ПРИРАСТАЙ, РОССИЯ!..

РАССКАЗ

Они переходили казахстанско-российскую границу по всем правилам конспирации — глубокой ночью и в ненастную погоду. Иван Хорьков недели полторы до того, показывая всем свой видом, что граница его не интересует, изучал подходы к ней равноудалённо от двух погранично-пропускных постов. Слава Богу, сплошной пограничной охраны, как и вспаханной пограничной полосы, пока не было, а она, судя по всему, скоро может появиться.

Иван ехал верхом на запряжённой в телегу Звёздочке, опираясь ногами вместо стремян на оглобли телеги, потому что саму телегу занимали две клетки; в одной тревожно гоготали гуси, Иван пытался шикать на них, они на какое-то время замолкали, потом начинали снова; в другой похрюкивала супоросая свинья. А ещё на телеге лежали стреноженными пара овец и пара коз. Рядом со Звёздочкой беззаботно трусил жеребёнок. Второй упряжкой управлял сын, сорокапятiletний Дмитрий, в отличие от отца, тихий, спокойный — в мать, на телеге, кроме небольшого, крайне необходимого на первую пору домашнего скарба, на мягкой травяной душистой постилке восседали жена Пелагея, беременная сноха Настя и пятеро внуков, старшему — двенадцать, а младшему — полтора года.

На самой границе Звёздочка вдруг, задрав голову, тревожно и томительно заржала, её поддержал второй конь, Гнедко, они словно чуяли, что

ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился в 1944 году в Башкирии. Автор более двадцати книг прозы и публицистики, председатель созданного им Аксаковского фонда. Лауреат Всероссийской литературной премии имени С. Т. Аксакова, премии имени К. М. Симонова, Большой литературной премии первой степени Союза писателей России, премий “Имперская культура” имени Э. Ф. Володина и “Александр Невский”. В 2000 году награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени, в 2010 году — орденом Почёта. Почётный гражданин Уфы. Вице-президент Международного Фонда славянской письменности и культуры.

навсегда прощаются с родиной, и у Дмитрия от этого ржання защемило сердце, ведь это была и его родина, которая ещё недавно была частью большой Родины — России.

Дедом Ивана был уральский казак, подхорунжий Силантий Хорьков, после гражданской войны на трёх орловских бежавший в казахские степи, спасаясь от верной смерти от объявленного товарищем Троцким расказачивания. Родители Пелагеи, детдомовцы, — их родители погибли в войну, — после профтехучилища, взбаламученные Хрущёвым, по комсомольско-молодёжной путёвке приехали в казахские степи поднимать целину.

И когда через десяток лет начались пыльные бури и смерчи, уносящие в овраги и балки лишённый вековой дерновины тонкий плодородный слой земли, — природа не вынесла коммунистического издевательства над ней, — собрались было, как многие, обратно, но ехать, в отличие от других, им было некуда и не к кому, они не знали не то, что родителей, а даже в каком городе или селе родились.

С развалом Советского Союза у Ивана Хорькова что-то оборвалось внутри или, точнее, там вдруг образовалась точащая душу холодная пустота, и даже воздух, как бы отрезанный пока виртуальной границей, вроде стал другой, не родной, что ли, даже когда он дул с севера, из коренной России.

Даже казахи на первых порах вместо радости от вдруг обрушившейся на них свободы, с которой они не знали, что делать, чувствовали растерянность и неприютность, граничащую с сиротством, что их оторвали от России. Но со временем всё стало меняться, что заставляло Ивана постепенно чувствовать себя в Казахстане нежелательным иностранцем.

Особенно нагло вели себя казахи из Монголии, приглашённые отсюда Нурсултаном Назарбаевым. Последним толчком стал обнаруженный утром на воротах лист фанеры, на котором было написано густо-чёрным: “Русские — в Рязань, татары — в Казань” — с тремя восклицательными знаками, а рядом густо-красным — всполохи огня.

Что рано или поздно следует за такой надписью, Иван хорошо знал по кровавым событиям в Душанбе в начале 90-х годов прошлого века, свидетелем которых был сам во время службы в армии. Иван вознамерился сорвать фанеру, но потом, остыв, подумал и оставил. Может, кому стыдно будет? Но никто не приходил, не извинялся и фанеру не срывал. На третий день не выдержал, пошёл к участковому.

Участковым служил одноклассник сына Дмитрия, сын хорошего знакомого Ивана Алмаса Каипбергенова. Кроме него, в кабинете находился молодой незнакомый парень.

Иван замялся, не хотелось говорить при незнакомом человеке.

— Не стесняйся, дядя Иван, выкладывай. Это наш общественник, помощник мой.

Иван изложил суть дела.

— Ребятишки, дядя Иван, наверное, балуются, — поморщился участковый. — Стоит ли на пустом месте шум поднимать? Можете, конечно, написать заявление. Сорвали бы фанеру — да и вся проблема.

Иван не стал писать заявление, понял, что без толку. Присутствовавший при разговоре парень догнал Ивана на улице, пошёл рядом с ним:

— Сидели бы тихо, не высовывались. Только хуже себе делаете. Знайте своё место! Теперь Москва нам не указ. Не нравится, скатертью дорога! Никто вас не держит... Русский язык государственный — это временно. Скоро мы отменим его, везде будет только казахский. На латиницу мы уже перешли. Привыкайте!.. Или уезжайте!..

Иван еле сдерживал себя, чтобы не взорваться, лишь ускорил шаг. Но тот не отставал:

— Мы отомстим вам, русским, за угнетение казахского народа во время так называемой коллективизации, за голодомор, за репрессии в тридцатые годы. Вы скажете, что это делали не русские, а большевики-евреи. А почему вы дали им возможность сесть себе на шею? Вы подумали о тех, кого в своё время взяли под своё крыло? Вы не задумывались, почему вас ненавидят во всех бывших советских союзных республиках?..

И вот теперь они переходили границу.

Но всё обошлось, к рассвету, который обещал хороший день, они уже были далеко от границы. Справа оставалось село Ильинка. В нём могли быть милиционеры, которых в России несколько лет назад, знал Иван, переименовали в полицейских. Иван гадал, что изменилось от этого переименования? В глубокой степной, но теперь уже оренбургской долине, которая ничем не отличалась от казахстанской, Иван остановил свой табор, чтобы передохнуть, покормить животину, а может, и немного соснуть. Путь лежал неблизкий.

— Ну, Пелагея вот мы и дома... в России! — он не смог сдержать слезу и неловко обнял жену.

— Как-то тревожно, не по правилам, словно воры... — начала она в который раз.

— Перестань! — оборвал он её. — Пробовали мы по правилам, кукиш вышел с маслом, чиновники в консульстве заняли круговую оборону, словно не русские или мы не русские. Три раза за полтыщи вёрст в Алма-Ату ездил. Возраст наш с тобой их, видишь ли, смутил, как бы нахлебниками не стали, пенсию через год-два нам с тобой придётся платить. По этой причине под программу организованного упрощённого переселения мы не попадаем. Не может быть такого, чтобы русских в Россию не пускали. Неужели не дадут на родине предков умереть? Не иначе, враги Путина в консульстве засели. Ну, если уж встал вопрос о пенсиях, мы не нахлебниками идём, с собственной животинкой, считай, готовое фермерское хозяйство, о которых сейчас так много говорят по российскому телевидению, дай только нам кусок земли, дом у нас какой-никакой уже есть. Сами себя прокормим, да и про страну не забудем. Неужто не примут?! — В голосе у Ивана не было никакого сомнения, хотя внутри было тоже тревожно. — Неужто лишними будем? Казахстан большой, а Россия в несколько раз больше Казахстана. Неужто места не хватит? Вон по телевизору слышал, что население России уменьшается, чуть ли не по миллиону в год. Подумать страшно, если так будет продолжаться, что ждёт Россию уже в недалёком будущем. Неужели никто об этом по-настоящему не думает? Собираться надо нам, всем русским, что остались на Земле. Потомкам тех, что ушли в гражданскую войну, спасаясь от неминуемой смерти, кого бросили за границей во время развала СССР. Неужто Богом так задумано, чтобы, может, разбавить русским добром другие народы и бесследно раствориться в них! Неужели Господь так решил? Да, собираться нам, русским, надо. А нас, вон, сразу девятёро, к тому же сноха на пятом месяце — прирастай Россия!

Неожиданно в долину со стороны Ильинки, — Иван перед своим египетским исходом из казахского плена, намечая маршрут, тщательно изучил карту Оренбургской области и дальше на север, — спустился самодельный тракторишка с прицепом. Увидев табор, по кругу подрулил к нему. Заглушив мотор, мужчина поздоровался.

— Не оттуда? — засмеялся, махнул он рукой в сторону Казахстана, явно ожидая отрицательного ответа.

— Оттуда, — помешкав, сухо ответил Иван.

— Что, серьёзно?

— Серьёзно.

— Значит, правду говорят, что казахи стали прижимать русских?

Иван промолчал.

— Не могу поверить, душа в душу жили, никаких границ не признавали. Великий Казахстан начали строить, и русские им стали мешать. Акмолинск-Целиноград сначала в Астану, а потом в Нур-Султан в честь Назарбаева переименовали. Столицу в него срочно из Алма-Аты перенесли, чтобы Россия вдруг не надумала вернуть свои исконные земли. Мы, русские, ведь долго думаем, а потом уж поздно бывает. Из захолустного города за несколько лет превратили в мегаполис-миллионник, обобрав для этого весь и без того нищий Казахстан. Никитка Хрущёв, добрый был человек, дарил налево и направо: Крым, Порт-Артур... Они, большевики, все были добрые,

разрезали страну на куски, по живому на так называемые союзные республики. Большой кровью это в девяностые годы обернулось. Но на этом, как я думаю, не закончится, заложенные Лениным с поделниками, или он, наоборот, только поделником был, мины долго ещё будут взрываться, может, до последнего судного для России дня. Вот Путин уйдёт, не вечный же, и может снова стать, как в девяностые, если не хуже. Он ещё в самой силе, а уже даже не тайно за его спиной, а в открытую, в глаза ему, не только враги судачат, кто после него будет. Словно торопят: уходи поскорей! Поставили пса караулить награбленное, успокоились, разлеглись на перинах на всевозможных экзотических островах, а он вдруг вывернулся, не иначе, не без помощи Бога, из Савла превратился в Павла. Что ни говори, вытащил он Россию не просто из дерьма, на краю пропасти стояла, пришёл настоящий, стержневой мужик, в Бога верующий, а всё не по нам, нам всё не угодить, что за народ? Непокойно на душе как-то. Да... У нас в Ильинке много жило казахов, а как объявил Назарбаев вслед за Ельциным самостоятельное государство, почти все перебрались в Казахстан, в тот же Нур-Султан. Казахи преграды своим не строят, они, по примеру Израиля, всех своих к себе забирают, неважно, стар или млад. Не то, что наши: далеко не каждого русского, оказавшегося за границей не по своей воле, берут, а страна пустеет... Извини, как понимаю, в самоволку пошёл, раз в лощине прячешься?

— В лощине трава помягче да погуще, — ушёл от ответа Иван. — Да и передохнуть.

— И то правда, и я вот: травы корове накосить. На возвышенностях-то, ещё не поднявшись толком, уже успела повьгореть. Пастухов-то ныне нету, да и откуда им взяться: на всё село коров двадцать осталось... Передохнуть, конечно, надо, но лучше вам тут долго не задерживаться, как можно дальше от границы надо уходить, пограничники иногда рейды устраивают. И нас, приграничных, просят за границей присматривать...

— Да через полчаса тронемся.

— Кони у тебя знатные, им бы не в телеге, а в соревнованиях выступать.

— Орловской породы, рысаки, — с гордостью сказал Иван. — Ещё прапрадед в России завёл, и уж тут, в Казахстане, из поколения в поколение держим...

— Наудачу едешь или план, адрес какой, может, родные — на кого опереться в первую пору?

— Родных нет. Моих товарищ Троцкий в распыл пустил, дед на трёх орловских сюда, в казахские степи чуть ноги унёс, а у жены родители с войны сироты, детдомовские, целину сюда послали поднимать. А адрес есть. Знакомый ездил к своим родственникам в Башкирию. Дом соседский ещё крепкий, пустой, надворные постройки. Старушка рядом умерла. Дети в городе, почти так отдают.

— Так, считай, по всей России дома пустые, вон у нас в Ильинке тоже — заходи, живи.

— Сам говоришь: подальше от границы, а я с девяностых годов, с развала СССР, пуганный границами. В середину народа хочется спрятаться. Село, говорит, крепкое. Соседка старуха умерла, а соседи — лишь бы у дома хозяин объявился. Говорят, страшно рядом с пустым домом жить, словно в нём кто по ночам ходит, стучит, стонет... Словно дом по человеку скучает.

— Дай Бог вам удачи!.. По всему, отчаянный, смелый ты человек: взять и сняться всем хозяйством и неизвестно куда без всякого разрешения.

— Не неизвестно куда, а домой, в Россию. Неужели не возьмёт Родина-мать?! Свои-то казахи ничего, хотя некоторые тоже начали косо смотреть, а вот приехавшие из Монголии, — в своё время они туда от советской власти бежали, Назарбаев их позвал, — те вконец обнаглели, они называют себя настоящими казахами, не испорченными русскими и советской властью, сами казахи за глаза суперказахами их зовут.

— Здесь-то дом на кого-то оставил?

— На соседа.

— На русского?

— Нет, на казаха.

— Надёжный человек?

— Мы с ним с первого класса не разлей вода. Школьный учитель. Отговаривал он меня. Что со временем всё образуется, что это подростковая болезнь становления государства. Молодые торопятся выкорчевать всё русское потому, что отождествляют русское с советским, с большевистским, которое на самом деле, в первую очередь, уничтожало русское, а потом по другим народам прошлось, прикрываясь его именем. Как ты вот сейчас про Путина говорил. Что очень переживает за него, за Россию. Что в СССР простым казахам лучше жилось, чем сейчас, никто их не спросил, хотят ли они самостоятельности. Подумай, говорил, Иван. Россию со всех сторон окружают враги. И всё плотнее сжимается круг. На Россию со всех сторон навалятся, а им изнутри пятая колонна с радостью поможет. Она ждёт своего часа, в нетерпении потирает ладони. Им всем Путин поперёк горла. Они уже почти праздновали победу, а он встал у них на пути. Уже нормальным людям начинает казаться: уйди он, и кольцо разомкнётся, и все разом полюбят Россию, и в мире наступит тишь и благодать. И порой приходит нехорошая мысль: может, действительно ему надо отказаться от выбранного пути, если даже этот путь ему начертан Всевышним, ради самого факта существования России? Может, Бог не всеилен? Хорошенько подумай, Иван! Может, для русского человека тут и останется Россия? К тому же и дед твой, и отец тут похоронены. От родных могил уходишь. Не дай Бог, случись что с Путиным, может рухнуть Россия. И на этот раз ей уже не подняться. О нашей казахстанской власти я уж промолчу, не в обиду тебе будет сказано, больно уж меня ваша российская власть смущает, один за всех тянет, а остальные палки в колёса... Он говорит одно, а они поддакивают, а делают совсем другое. Словно они только и ждут, когда он споткнётся. А то и помогут... А я ему в ответ: потому нам, русским, вдвойне надо собираться всем вместе, объединяться, вон нас, в России, каждый год на миллион становится меньше.

— Вот ты в Башкирию собрался. Не боишься, что после Путина башкиры, как казахи себя поведут? Слышал, среди них тоже свои супербашкиры есть.

— Как живёт Ильинка-то? — вместо ответа спросил Иван. Ему не терпелось узнать, как живёт первая русская деревня по эту сторону границы.

— Живём, перебиваемся, в масле не катаемся. Кто, как я, например, за счёт пенсии, другие, помоложе, за счёт детских пособий. Никакой работы в деревне нет. А вон в городе, говорят, рабочих не хватает. Мигрантов приглашают, потому что им платить можно меньше, чем своим. Ты о государстве беспокоишься, переживаешь, что каждый год на миллион убывает Россия, а вон мэр Москвы Собянин недавно заявил, что в России двадцать миллионов потенциально лишних сельских людей. Озаботился, значит, по его мнению, зря хлеб едим. Как живёт Ильинка? Колхозная ферма с распаханутыми воротами, поля заброшены. Молодые мужики, кто в силе, все на вахтах, на Северах, я тоже ездил, пока на пенсию не вышел.

— А фермеры в селе есть?

— Есть несколько хозяйств. По-настоящему два-три человека на ноги встали. А у тебя, смотрю, готовое фермерское хозяйство. Только ставь на учёт. Да налог назначай. Должны принять, сделать исключение.

— На рассвете, когда мимо проходили, издали церковь видели. В бинокль, красивая.

— Она только издали красиво смотрится, а подойди поближе, вся обшарпанная, и внутри, священника нет, ремонт нужен. Большая деревня, почти тысячу двести человек, а организовать не можем. Вон татары в соседней деревне аж две мечети поставили, и ни одного дома пустого... Ну, ладно, заговорил я тебя — с Богом!.. Теперь буду думать, как ты там устроишься... Чай не чужие... русские люди... Поторопитесь подальше от границы. Допекли, значит, суперказахи?! А у меня вон племянник на казашке женился, так развелись, потянуло её Великий Казахстан строить.

— У меня на казахов нет обиды, — сказа Иван. — Они своё государство строят. Дай Бог им удачи! Может, что получится. У них ведь своей государственности никогда не было, соблазнительно... У меня обида на своих...

За оставшийся день они проехали около тридцати километров. Ехали вдоль дорог краем полей, а где это было невозможно, по обочине. Из окон обгонявших попутных и встречных машин приветливо махали руками. Раз перед перекрёстком трёх больших дорог, в которых не просто было разобратся, остановил инспектор ГАИ, молодой лейтенант. Внимательно осмотрел телеги. Иван не на шутку встревожился.

— Переселяетесь?

— Переселяемся.

— На заднюю повозку нужно было красный фонарь повесить. Ночью опасно будет ехать.

— А мы до ночи на месте будем, — соврал Иван. Он боялся, что инспектор попросит документы, а у него казахстанский паспорт. Но тот неожиданно предложил:

— Давайте, я проведу вас через дорогу. — Встал посреди дороги и остановил движение. На прощанье потрепал Звёздочку по загривку: — В детстве летом у деда с бабушкой в деревне. У них конь был, ездил на речку купать... Эх, жить бы в деревне!.. Счастливой вам жизни на новом месте!

И Иван, до того бывший в постоянном нервном напряжении, немного успокоился. Россия-мать встречала приветливо. Благоухал май. Густо зелела трава. Пели птицы...

Поздно вечером они разбили лагерь на берегу реки. Поставили две специально купленные для похода палатки. Развели костёр. Долго и томительно кокувала кукушка...

В середине июня Сергей Корнаухов вернулся из отпуска. Слетал по индивидуальной туристической путёвке в Париж. Давно мечтал. Ещё с детства. Но в детстве эта мечта была неосуществима, а потом военное училище, семьёй не успел обзавестись, как грянула первая чеченская, потом вторая. Тяжёлое ранение. Вынесли из-под огня, рискуя своей жизнью, юнцы-первогодки. Значит, был неплохим командиром. После ряда госпиталей — институт имени Бурденко в Москве. В институте Бурденко дал себе слово: если встану на ноги, непременно слетаю в Париж. Но и после госпиталя не сразу было до Парижа, надо бы определяться с дальнейшей жизнью. Попробовал себя в журналистике. Брался за самые тяжёлые темы. Втянулся...

К его удивлению, Эйфелева башня его не впечатлила: что-то вроде нефтяной вышки или опоры высоковольтной электропередачи. Не впечатлил и сам Париж. Сергей, чтобы увидеть побольше, вставал пораньше, а с утра Париж представлял из себя жалкое зрелище: грязный, заваленный мусором, плохо выпавшиеся бомжи-африканцы сонно бродят по этому мусору, и порой ему начинало казаться, что он находится в каком-то африканском городе. Нет, думал он, поклонников всего западного нужно в обязательном порядке отправлять на отрезвление в Париж.

Единственное, что его по-настоящему потрясло в Париже, — кладбище русской эмиграции Сен-Женевьев-де-Буа. Оно было словно из другого мира. Над ним парил какой-то особый, может, горный свет, или, может, оно само излучало этот свет. Кусочек былой России посреди Франции.

Сергей знал, что спас кладбище Владимир Путин, когда над ним нависла угроза закрытия и уничтожения: во Франции якобы вдруг стало не хватать земли. Будучи премьер-министром, Путин выкупил землю под кладбищем, и за этот факт Сергей прощал Владимиру Владимировичу многое, в том числе непотопляемость наглого рыжего кота Чубайса, словно имеющего над Путиным какую-то тайную мистическую власть. Неужели Путин не понимает, что непотопляемость Чубайса разрушает веру в него простого человека: преступная приватизация — сошло, разрушил энергосистему страны, результатом чего стал взрыв на Саяно-Шушенской ГЭС, — сошло, под суд пошли другие. Мало того, после этого учредил ему Путин на пропитание ничего не производящую госкорпорацию «Роснано», в которой Чубайс установил среднюю месячную зарплату чиновникам в один миллион двести тысяч рублей, когда прожиточный минимум в стране не дотягивает до двенадцати тысяч. Неужели Путин не понимает, что Чубайс вроде лакмусовой бумажки для

народа: наш Путин или не наш, или только делает вид, что наш, а на самом деле их? И если посчитать, таких “мелочей” наберётся немало: путающийся в ногах ненавистный народу “дублёр” Дмитрий Медведев, сидящая в сенате ненавидящая Россию вдова Собчака Нарусова, финансирование строительства Ельцин-центра в Екатеринбурге и поездка на его открытие, куда собрались все ненавистники России...

И набирается таких “мелочей” столько, что с холодком в сердце можешь невольно оказаться в стане если не врагов, то противников Путина. Русский народ, он очень чуток на малейшую фальшь — большевистская власть научила.

Можно сказать, что из-за русского кладбища Сен-Женевьев-де-Буа Сергей Корнаухов и слетал в Париж. Нет, никто из его родных на этом кладбище не похоронен. Его прадед в гражданскую войну вынужден был уйти страшным исходом в Китай с атаманом Дутовым и с чудотворной Табынской иконой Божией Матери, духовной покровительницей огромных пространств России от Волги до Тобола, следы которой затерялись во время китайской “культурной революции”. В простом народе упорно бытует верование, что пока она не вернётся в Россию, в ней не установится мир и порядок. Одно время Сергей пытался искать её, но безуспешно, — а прадед вынужден был бежать от этой самой “культурной революции” ещё дальше — в Австралию, где похоронен на кладбище в пригороде Сиднея. Но сейчас у Сергея было чувство, что он лежит на этом кладбище на окраине Парижа.

Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа укрепило в Сергее русскость. И оно укрепило в нём подорванную веру в Путина. Можно сказать, что до того она в большой мере зиждилась на том, что духовником Путина был настоятель Сретенского монастыря в Москве архимандрит Тихон (Шевкунов), которого Сергеем посчастливилось знать лично и которому безгранично верил, потому что тот был сподвижником великого патриота России скульптора Вячеслава Васильевича Клыкова, автора в том числе Звонницы на Прохоровском поле, третьем поле Русской воинской Славы, и который был твёрдо убеждён, что Россию может спасти только монархия.

В Париже Сергей познакомился с таксистом Юрой-десантником. В Афганистане тот, тяжелораненый, попал в плен, в котором был пять лет. Выкупленный католической благотворительной организацией, — прямым путем в Россию не было, — окольными путями добрался до юга Франции, где нашёл работу. Два года поездок в Париж. Приёмное время для подачи документов в российском консульстве почему-то всего два дня в неделю по два часа, к тому же в рабочее время. Огромные очереди, ночёвки в сквере, объяснения с полицией и работодателем. Кончилось тем, что пришло из дома письмо: умерла мать, последнее, что связывало его с Россией.

— Давай, я попробую помочь, — предложил Сергей.

— Нет, теперь я уже не хочу. Россия стала для меня злой мачехой.

По возвращении Сергей рассказал о Юре-десантнике главному редактору газеты.

— Вот ты мне рассказываешь о Юре-десантнике, а у нас тут без тебя свои десантники. Потеряв надежду получить хотя бы вид на жительство, из Казахстана месяц назад самостийно перебравшись через границу семья русских, представляешь, девять человек с собственным хозяйством: лошади, корова, овцы, гуси... Их выдворяют обратно. Написали соседи в редакцию, ещё верят, что газета что-то ещё может, пытаемся помочь, пока безуспешно. Назарова занимается этим вопросом, ездила к ним несколько раз. Подключись, одной ей не справиться. Дело будет не из лёгких. Вспомни историю с отцом Петром, настоятелем храма в аксаковском Надеждине, беженце с Западной Украины. Восемь лет он с семьёй каждый год вынужден был пересекать границу Украины, чтобы с поставленным штампом пересечения границы и тяжким грузом пережитых унижений вернуться обратно, это давало ему право на продление вида на жительство ещё на год. Может, воспользуешься прежними знакомствами? Хорошо у тебя тогда получилось. Правда, наверное, с год тебе пришлось этим заниматься.

— Не наверное с год, а больше года. В конце концов, я не выдержал, позвонил тогдашнему заместителю министра МВД республики, с которым

был знаком по Чечне, и в весьма резком тоне высказал всё, что думаю по этому поводу. “Даю слово офицера, что через месяц он получит паспорт”. Через полтора месяца он мне растерянно позвонил: “Я не представлял, насколько это сложно, что у нас такое запутанное законодательство. Но я сдержу своё слово, рано или поздно они получат российские паспорта”. Ещё только через полгода ему удалось сделать это. Отец Пётр не поверил, когда я ему позвонил, что надо ехать в Уфу получать российские паспорта, несколько раз перепросил, правда ли это, чуть ли ни плакал от радости...

“Казахстанских десантников” Сергей дома не застал, но дом был не на замке, вместо него вставлен в пробину старинный большой кованый гвоздь со шляпкой зонтиком. Постучал в соседние ворота. Вышла пожилая башкирка:

— Да они в огороде, за сараями, картошку окучивают. Как только приехали, сразу же посадили, у нас как раз старая картошка оставалась. Да соседи с другой стороны дали. Семья-то большая, вот целый огород и засадили. Да ещё у соседей пустующие пять соток прихватили: кормовую свёклу, морковь. Им в сельсовете говорят, вид на жительство не оформлен, а картошку посадили, не имели права. А Иван Пантелеевич им: “Осень припрёт, чем семью кормить буду? Выгоните, так вам достанется”. Хорошие люди, работающие. Помогли бы им как. А то участковый чуть ли не через день ходит, то ещё откуда приезжают. Страшают выслать обратно, на закон ссылаются. А что это за закон: русским в Россию нельзя вернуться?! Не по-человечески это. Нехорошо. Бог нас всех за это накажет.

За сараями в огороде было двое. Как определил Сергей, мать с сыном. Встретили настороженно. Приняли за очередного “уполномоченного”, понял Сергей. Просветлели лицами, когда он представился.

— Ваша сотрудница, Наталья, так уж старается нам помочь. Вещи для детей собрала, продукты, деньги в неделю раз привозит. Ребятя только что на речку убежала, пололи картошку. Урок свой выполнили и убежали. У нас в Казахстане ни реки, ни пруда рядом не было. Им это в диковинку, чуть что — туда. Кунаются до посинения. Сноха к фельдшернице ушла. На сносах она, а сам-то в Уфу в миграционную службу уехал. Картошка должна уродиться. Да вот боимся, что напрасно. Куда ни сунемся, везде отказ. Гонят обратно в Казахстан, там документы в консульство подавайте. А разве мы не пробовали? По каким-то параметрам мы через российское решето законов не проходим, вроде бы не нищие. Больше уже некуда ходить, больше уже не к кому обращаться. Письмо, — Пелагея замылась. — Путину написали, на него вся надежда... Огород-то лет десять не сажали, хорошо, соседи помогли, трактором вспахали, а потом уж мы на своих лошадях перебороновали, теперь земля, как пух, соскучилась по урожаю.

Председатель сельсовета и участковый оказались на месте, их кабинеты были рядом. В капитане-участковом, примерно ровеснике, Сергей по рваному ожоговому шраму на лице узнал своего:

— Танкист?

— Танкист.

— Чеченская первая или вторая?

— И первая, и вторая. Что, тоже?

— Штырь в позвоночнике. Забыть не даёт.

— Да что нас убеждать-уговаривать, — вздохнул капитан-участковый. — Насмотрелся я в Чечне на несчастных русских беженцев. Никому в стране до них не было дела, лишь бы чеченцев ублажить. Если честно сказать, то и сейчас нет до них дела, приткнулись, кто где смог, зато Грозный отгрохали, как какой-нибудь Дубай или Арабские Эмираты... От нас ничего не зависит. Мы только рады им, не алкаши какие-нибудь. Умные люди там наверху, — ткнул капитан пальцем в потолок, — меня вон с Петром Фёдоровичем крайними в этой истории назначили: готовьте документы на принудительное выдворение с территории Российской Федерации, российские законы нарушать никому не позволено, и весь разговор. Горячие законники в прокуратуре чуть не возбудили уголовное дело за незаконный переход границы. А это, по малой, на полдесятка лет тянет.

— Я не убеждать-уговаривать вас пришёл, — сказал Сергей. — Помогите, чем можете, пока решается вопрос. А я убеждён, что он будет решён. Помогите с временным трудоустройством хотя бы одного из мужиков. Понимаю, что без российского паспорта, без вида на жительство это непросто. На счёт пастьбы скота...

— Да и так уж стараемся. Место выпаса коней, коровы, овец, коз определили, благо, что наши почти не держат скот. И с сенокосом определимся. Вы там, наверно, главное, определитесь.

— Вы успели к ним присмотреться, что они за люди?

— Нормальные люди. Только вот старший больно уж горяч, можно сказать, нервный. Ему всё подавай сегодня и сейчас. Видимо, натерпелся. С чиновниками так не разговаривают.

Затянулись походы по разным инстанциям, везде вежливо выслушивали, некоторые даже сочувствовали и, в конце концов, тоже тыкали носом в закон. Удручённый, Сергей пошёл к главному редактору:

— Опускаются руки. Я думал, что самое страшное, что я в своей жизни пережил, было в Чечне, но там я знал, где свой, где — враг. Мне по-настоящему страшно, я всё больше прихожу к мысли, что мы уже не народ, а народонаселение. Либералы вынули из нас душу. Может быть, мы уже бывшие русские? Все ссылаются на закон, друг на друга, пусть едут в Казахстан и начинают по всем правилам собирать бумаги. Объясняю, что там в консульстве дали однозначный поворот, имея какие-то тайные для простого человека инструкции. Мне стыдно смотреть Хорьковым в глаза. Ну, будем мы собирать продуктовые наборы, какие-то деньги, чтобы они не умерли с голоду, успокаивать их, что всё будет хорошо. Так не может продолжаться без конца. Кончатся тем, что их выдворят под конвоем или кто-нибудь из них наложит на себя руки.

— Напиши статью. Мы пошлём её в необходимые ведомства. В конце концов, откликнутся люди...

— На публикации теперь никто не реагирует, только гусей травить, ведомства не обязаны на них отвечать, как было в советское время.

Сергей назвал статью “Не родные на Родине...” Начал он статью так:

“Скандальный французский актёр Депардье, в обиде на налоговую систему Франции вдруг решивший стать гражданином России, стал героем анекдотов. Сам Путин вручил ему российский паспорт, губернаторы встали в очередь дарить ему, нищему, квартиры. Потом так же помпезно вручили российский паспорт какому-то вышедшему в тираж боксёру, по этому случаю тоже много было барабанного боя. Не столь давно вручили российский паспорт другому актёру, теперь уже голливудскому. Грудь распирает от гордости: растёт, ширится Россия!

Ежегодно в Москве собирают форум соотечественников за рубежом: Президент, депутаты Государственной Думы за государственный счёт приглашают потомков именитых фамилий: князьёв, графьёв, баронов, говорят речи о матушке России, которая снова стала великой и готова взять под своё крыло всех русских, оказавшихся за границей. Но потомки графьёв, князьёв и баронов не очень-то торопятся в Россию, потому как большинство их предков бежали из страны, как нынешние олигархи, как крысы с корабля, ещё до революции и гражданской войны. И в большинстве случаев ничто, кроме громких фамилий, с Россией их не связывает.

Заседания Всемирного Русского Народного Собора: опять-таки, Президент, Патриарх, опять-таки потомки графьёв, князьёв, баронов, непременные борцы за русское счастье Зюганов и Жириновский, опять разговоры о том, что Россия собирает под своё крыло соотечественников. Законы соответствующие по этому поводу принимаются — даже по упрощению получения гражданства. А в это время десятки, сотни, тысячи бывших граждан России, которая называлась СССР, по 10, 15, 20 лет бьются, словно рыба об лёд, чтобы получить российское гражданство. Если даже оставить в стороне такой непреложный нравственный и юридический вопрос, что все граждане бывшего СССР, правопреемником которого стала Россия, должны автоматически

получить российское гражданство, то сугубо с практической стороны: в недалёком будущем России грозит демографический кризис. Чтобы выйти из экономического кризиса, кроме новых технологий, нужны рабочие руки. С высоких трибун провозглашается одно, а на деле творится совсем другое. Решившего вернуться на родину встречают равнодушием, унижением человеческого достоинства, хамством, сотнями всевозможных преград. Государство, помимо всего прочего, организовало на человеческой беде циничный бизнес, каждая бумажка, кроме нервов, стоит немалых денег, которых у простого люда просто нет...

Всего лишь один пример. Три месяца назад из Казахстана в Россию, не выдержав издевательств от переселившихся туда по приглашению Назарбаева монгольских казахов, переехала через границу русская семья Хорьковых — четверо взрослых и пятеро детей. Перешла границу не с протянутой рукой: с двумя орловскими рысаками, козами, поросятами, гусями, другой живностью. Словом, целым крестьянским хозяйством, а главное — с рабочими руками. Оркестров, разумеется, не было. Но оркестра они и не ждали. Они ждали, что Родина, в своё время отправившая их родителей поднимать целину, радостно примет их. И начались мытарства, в том числе с каждого из них — русских! — затребовали сертификата на знание русского языка! Кипа бумажек на каждого — в 80 тысяч рублей, и неизвестно ещё, где брать эти бумажки!..”

Главный редактор, смягчив некоторые места, тяжело вздохнул и подписал статью в печать.

С нетерпением Сергей ждал реакции на статью. Увы, никто, ни одна официальная душа не откликнулась на неё. Ни велеречивые депутаты самой народной в мире партии “Единая Россия”, по наследству от КПСС принявшей на вооружение махровую демагогию, провозгласившую, к примеру, непримиримую борьбу за чистоту русского языка и тут же навязавшую народу ублюдочное, заимствованное из американской выборной системы слово “праймерис” (первичное голосование), ни депутаты “Справедливой России”, ни самые ярые борцы за народное счастье, зюгановцы и жириновцы, ни один глава района, ни один руководитель предприятия, ни одно государственное сельское хозяйство, разумеется, ни один из банков, халявными кредитами заманивающих людей, а потом отдающих их на съедение коллекторам... Был только один полуофициальный отклик. Позвонил помощник прокурора республики: похвалил за чуткость к людям и в то же время предупредил, что статью можно квалифицировать как посягательство на законодательство Российской Федерации.

Отозвались только простые русские и нерусские люди: кто продуктами, кто одеждой, другие просили сообщить номер банковской карты, на которую можно перевести деньги, фермер из соседнего района привез десять тюков сена и два мешка овса для коней.

— Конечно, большое спасибо за деньги, за продукты! Но не будете же вечно нас кормить, как нищих, — в очередной приезд Сергея не выдержал Иван. — Мне уже горло дерёт ваш хлеб с маслом. Я вижу, что вы стараетесь и не обязаны это делать, но неужели это большая проблема для страны?

— Мы уж боимся, кабы вам каких неприятностей из-за нас не было, — встала Пелагея.

— Мы русские и хотим жить и умереть в России. Это право дано нам не вашей Думой, которая печёт антирусские законы, а Господом Богом. Я родился хоть и в Казахстане, но родился русским. — Иван потряс перед лицом Сергея своими огромными, словно лопаты, мозолистыми руками. — Дайте им возможность работать! Мы не хотим быть нахлебниками. Дайте нам право жить и умереть в России! Израиль для евреев, Казахстан для казахов, а Россия — для кого?

— А что с письмом Путину? — спросил Сергей.

— А то, что выговор получили за то, что писали. В том числе председатель сельсовета и участковый. Что пустили нас сюда и вовремя не выгнали.

— До него письмо не дошло, — стала оправдывать Путина Пелагея. — Если бы дошло, он обязательно решил бы. Люди говорят, что нужно было

бросать письмо в Москве. В поезд кому-нибудь дать, чтобы в Москве бросили. Потом: ему, наверное, столько людей пишут, что все их не прочитать. Он один за всех. Жалко его. Одинокий он человек. По всему, и помощников у него настоящих нет, которые смотрят с ним в одну сторону. До нас ли ему, столько врагов вокруг России. И всем он мешает. И всем он как кость в горле. Бьётся он за нас, а мы его не жалеем. А нас, русских, всё меньше на свете. Видано ли: в семье один-два ребёнка, а то и ни одного. В Казахстане не так, всё больше многодетные, население с каждым годом растёт. Страшно подумать, вон статистика: на десять браков семь разводов. И государство как бы радо этому: каждый день по телевизору после “Новостей” фильм обязательно про разводы, по предательство, про любовников да любовниц, как собаки, сбегались да разбежались, и вся любовь, как будто в России уже нет нормальных семей. Куда дальше-то? Насмотрелась я тут за полгода. Строите ракеты, самолёты, чтобы отражать врагов, а страну изнутри ржа разъедает, которая страшнее внешних врагов. С пустотой в сердце живёте. То и дело родителей за пьянку лишают прав. Видано ли, при живых родителях — сироты! При живых родителях — детдома. Разве это нормально? Простите, вроде бы я не имею права судить, чужая, приبلудная, вырвалось, что накопилось.

Сергей был согласен с Пелагеей. Он, воспитанник детского дома при живых родителях, для себя давно вывел формулу: велик тот народ, у которого нет детдомов. В своё время в Чечне он поразился, что в ней нет детских домов, случись беда, тут же детей забирают родственники или даже соседи.

— Раньше в детдомах были дети погибших на войне, — продолжала Пелагея, — как, например, мои предки, — а сейчас? Видано ли: сироты без войны! А выходят они из детдомов, и деваться им некуда... Смотришь по телевизору, что ни день, сообщают: то здесь, то там им поддули развалюху, в которой жить нельзя. Да ещё такое-то жильё приходится ждать годами, а то и десятилетиями. Разве так с сиротами можно, их и так судьба наказала. — Пелагея вдруг заплакала. — И мы как сироты. Сколько нас, брошенных, по бывшим союзным республикам, говорят, без малого тридцать миллионов, а точно никто не считал. И везде нас гонят, везде мы виноватые. Бездомные мы... Сироты мы... Без Родины мы...

Время летело. Прошло ещё два месяца. Вид на жительство Хорьковым оформить так и не удалось. На постоянную работу Хорьковых без документов по-прежнему не брали, а если брали, то платили, как бесправным, незаконно пересекшим границу гастарбайтерам, копейки. С последнего места работы, из животноводческого хозяйства, где платили им 5 тысяч рублей в месяц, пришлось уволиться, а безработные иностранцы могут находиться на территории России не больше трёх месяцев. За детские медосмотры и за любое обращение за медпомощью тоже, как с иностранцев, требовали плату. На это и на еду уходили все деньги, присылаемые добрыми людьми.

Но случилась в семье Хорьковых большая радость: у младших, Татьяны и Дмитрия, родился сын. У мальчика, которого назвали в честь деда Иваном, отличные показатели: вес 3100, рост 50 см.

Правда, с родами тоже не всё было просто. Когда начались схватки, Татьяну отвезли в районную больницу в село Языково, но там под предлогом, что рано, сделав укол, не приняли. Через три дня пришлось ехать снова, но языковская больница на сей раз отфутболила их в близкую Уфу. Здесь пришлось вмешаться в ситуацию Сергею. Миша стал шестым ребёнком в семье младших Хорьковых, подрастает Наталья, которой в этом году вслед за старшими братьями и сестрами идти в первый класс, но тут на близком горизонте нарисовались тупиковые проблемы со школой,

Рождение Михаила принесло в семью огромную радость и в то же время горечь. Встал вопрос с получением документов на Мишу. Хотя и родился он, русский по отцу и матери, в России, гражданином России быть не может — у родителей казахстанские паспорта. Так что в ближайшее время семье, чтобы не быть принудительно выдворенными, придётся пересекать российско-казахстанскую границу в обратном направлении. Зарегистрировавшись на той

стороне, можно будет иметь возможность на время снова вернуться в Россию.

Сергей уже несколько месяцев чувствовал всё больше нарастающую тяжесть в спине, потом тянущую боль в месте, где торчал штырь, но всё оттягивал визит в больницу, надеясь наконец решить вопрос с видом на жительство для Хорьковых.

Но однажды утром он с трудом поднялся с постели и понял, что медлить больше нельзя, что завтра он может уже не встать.

Хирург в поликлинике, рассматривая рентгено снимок, покачал головой:

— Надо же так запустить! Что же это вы?

— Надо было закончить одно дело, которое, можно сказать, стало для меня смыслом жизни. Слово офицера себе дал, презирать себя буду, если не помогу людям.

— Ну, и закончили?

— Увы, нет.

— Мда! Ничем я вас не обрадую. На сегодняшний день смыслом жизни для вас должно стать как можно скорее добраться до операционного стола. Как от офицера от вас не скрываю: дело очень серьёзно. Как вы ещё ходите?! Вам нужна срочная операция. И, скорее всего, не одна. Конечно, я могу направить вас в травматологию 6-й больницы. Но лучше, не оттягивая время, лететь в Москву в институт Бурденко, где вам вставили эту железку.

Главного редактора Сергей на месте не застал.

— Будет только к концу дня

Сергей позвонил ему по мобильнику:

— Понимаешь, такое дело. Мне надо срочно в Москву, в институт Бурденко... Да, с позвоночником.

— Дотянул с этими Хорьковыми...

— Дай мне машину съездить к ним, чтобы не теряли меня недели две-три.

— Завтра с утра...

— Нет сегодня... прямо сейчас... у меня на счету каждый час...

Соседом по палате оказался тоже военный инвалид. Они быстро нашли общий язык. Сергей рассказал ему о своём неоконченном на этом свете деле.

— Вот ты рассказывал о скульпторе Клыкове, о его памятнике-звоннице на Прохоровском поле. Он затеял это дело с губернатором Белгородской области Евгением Степановичем Савченко, где находится это поле. Удивительный человек, в море нынешнего российского демократического раздолбайства основал в границах области островок человеческого благополучия. Поразительно, как его до сих пор не сожрали. Его замалчивают. Потому что его существование начисто отрицает экономическую политику нынешнего правительства. Процветающее сельское хозяйство. Отстроил новый университет. Спасая село, выпускникам сельскохозяйственного, медицинского, педагогического институтов сразу же даёт жильё, которое через пять лет переходит в их собственность. Да мало ли чего ещё! Он собирает русских людей со всего мира. Староверов из Уругвая пригласил. Ему бы возглавить правительство, но о нём — тишина, словно его и нет. Хорошо, что не трогают, а он делает громадные дела. Напиши ему. Ты диктуй, я напишу, Обрисуй ситуацию, он обязательно отзовётся.

Сергей продиктовал письмо.

За первой операцией последовала вторая. Между операциями, немного придя в себя, Сергей, прикованный к постели, позвонил по мобильнику Ивану. Тот успокаивал его, что у них всё нормально, пока отстали. Быть только скорее выздоравливайте! Но по сдержанному голосу Сергей чувствовал, что не всё нормально.

Шли дни. Сергей не то, чтобы стал забывать о своём письме губернатору Савченко. Посылая письмо, он не очень-то верил, что оно попадёт тому в руки. И даже если попадёт...

Но однажды ему позвонили с незнакомого номера:

— Сергей Михайлович?

— Да.

— С вами говорит помощник губернатора Белгородской области Евгения Степановича Савченко. Как дела у ваших Хорьковых?

— Да пока никак.

— Евгений Степанович просил передать, что он готов забрать их со всем их хозяйством.

Сергей тут же набрал номер Ивана. Но телефон молчал. Сергей позвонил через час, через два, через три. Телефон молчал. Позвонил поздно вечером. Телефон молчал. Ни у кого другого из Хорьковых телефона не было. Тогда он позвонил своему главному редактору. Тот замаялся.

— Ну что мнёшься, говори!

— Приехали к ним из Уфы с очередным предупреждением. Участковому устроили разнос. А Хорьков-старший вспылил, психанул и высказал им всё, что о них думает. Больно уж горяч. Ему бы в его положении помолчать. Ему пригрозили судом на принудительное выдворение. А то ещё статьёй за незаконный переход государственной границы. Тогда он послал их ещё дальше: плевал я на ваш суд, завтра же меня здесь не будет. Наталья пыталась ему звонить, а он отключил телефон.

— Остановите его. Учитывая его характер, он на самом деле может сорваться. Его забирает со всем хозяйством белгородский губернатор Савченко.

— Что, серьёзно?

— Да, звонил его помощник. Остановите его, позвоните в сельсовет, участковому. Пошли Наталью на машине. Прямо сейчас, не откладывая.

— Если он уже не в пути...

Сергей весь следующий день звонил Ивану. Но телефон упорно молчал. Наконец отозвался.

— Что случилось?.. Где вы?

— Подъезжаем к границе Казахстана. — Голос был холоден и сух.

— Почему вы меня не дождались? Ну, задержался я тут не по своей воле. О вашей истории узнал белгородский губернатор Евгений Степанович Савченко. Один из лучших губернаторов российских. Он готов вас забрать вместе со всем хозяйством.

— Извини, Сергей, дай Бог тебе здоровья, конечно, хороший ты человек, и ему доброго здоровья, но мы уже больше никому не верим. Мы столько натерпелись, нас столько обманывали, что уже никому не верим.

— Послушай, Иван Пантелеевич, губернатор Евгений Степанович Савченко лично заинтересовался вашей судьбой, он человек слова. Он собирает русских со всего мира.

Но Хорьков словно не слышал его:

— Поздно, Сергей! Нельзя так говорить о Родине, но она оказалась нам мачехой. В Казахстане мы хоть сможем узаконить рождение ребёнка. Да что теперь рассуждать, сейчас закончится российский роуминг, и телефон замолкнет, мы уже пересекаем казахстанскую границу!.. Всё, прощай, Россия!..